

Научная статья
УДК 902/904
doi: 10.17223/15617793/476/3

Резьба по кости и рогу как декоративное искусство Древней Руси IX – первой половины XI в.

Наталья Викторовна Жилина¹

¹*Институт археологии Российской академии наук, Москва, Россия, nvzhilina@yandex.ru*

Аннотация. Представлена характеристика древнерусского декоративного искусства резьбы по кости по материалам всей Руси с уточнением хронологии. Изделия распределены по видам орнамента. Охарактеризованы иконография/композиция, стилистика, семантика, эстетика произведений. Анализ позволил прийти к выводам, что наряду с произведениями народного искусства наблюдались и усваивались образцы скандинавского, византийского, европейского орнаментов, вырабатывались варианты их совмещения, ложившиеся в основу будущих стилей.

Ключевые слова: Древняя Русь, декоративное искусство, декор, орнамент, резьба, кость, иконография, стилистика, семантика, эстетика

Для цитирования: Жилина Н.В. Резьба по кости и рогу как декоративное искусство Древней Руси IX – первой половины XI в. // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 476. С. 24–38. doi: 10.17223/15617793/476/3

Original article
doi: 10.17223/15617793/476/3

Bone and horn carving in decorative art of Kievan Rus in the 9th – the first half of the 11th centuries

Natalia V. Zhilina¹

¹*Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, nvzhilina@yandex.ru*

Abstract. The aim of the work is general characteristics of bone carving art of Kievan Rus. The source is the archaeological material of South and North Rus. The methodology includes iconographic and stylistic analysis; use of the results of archaeological dating. In the course of the study, the author characterized iconography, stylistics, symbolism, aesthetics of objects; arranged objects from different regions in a single chronological row according to the dates of archaeological sites and analogies; characterized bone carving in the context of the art of the period in accordance with the kinds of ornament. As a result, conclusions are drawn. The role of the kinds of ornament in the formation of artistic appearance of bone objects and in the formation of style is determined. Complication of geometric ornament in the 9th and 10th centuries destroys the harmony of products, but the rhythmic organization in the 10th and 11th centuries returns harmony. Abstract curvilinear ornament regularly and harmoniously fills the zones and effectively accentuates the shape of the object with grotesque motifs. Curvilinear irregular braided ornament tends to Scandinavian styles; the regular one creates the basis for their adaptation and formation of local styles. Examples of plant ornament demonstrate the development in Rus of Eurasian decorative elite style. Zoomorphic ornament complements the elongated household items with volumetric ends, accentuating their form and function. Some of zoomorphic ends on the horn tips of the 10th and early 11th centuries has Scandinavian style, others original geometrized forms. A number of works reflect a stylistic symbiosis: European and Byzantine traditions; Scandinavian and plant ornaments. The pagan semantics is noted: the crest from Pskov with a mythological plot, idol-like image of human face; other symbolic schemes. The semantics reduces the aesthetic level; accents contradict the rhythm and create disharmony. Some of the works correspond to the level of the folk art: household items and amulets with geometric and abstract curvilinear ornaments, simplified transfer of zoomorphic motifs. The other part corresponds to advanced elite art of the Viking Age: spread and use of Scandinavian, Byzantine, and Eurasian tendencies, the formation of mixed stylistic variants. Display in a simplified manner of Scandinavian ornamental patterns of the 10th–11th centuries indicates its mastering. The art of bone carving demonstrates the same laboratory of choice as other forms of decorative art in Rus. It is related with woodcarving in the active use of geometric and braided ornaments, generalized zoomorphic and idol-like images. Plant ornament is not as widespread as in embroidery, filigree, woodcarving, which emphasizes the stage of its formation. The traditions of folk art were combined with the Scandinavian, Byzantine, and Eurasian ones; the developed versions formed the basis for future styles of Kievan Rus.

Keywords: Kievan Rus, decorative art, décor, ornament, carving, bone, iconography, stylistics, semantics, aesthetics

For citation: Zhilina, N.V. (2022) Bone and horn carving in decorative art of Kievan Rus in the 9th – the first half of the 11th centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 476. pp. 24–38. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/476/3

Этот вид художественного ремесла много изучался, но главной целью таких работ был анализ региональных материалов и отдельных категорий костяных изделий [1–11].

Историография. Многие авторы уделили внимание характеристике технологии изготовления изделий из кости и рога [6, 8, 9, 12]. В ряде работ дана конкретная или общая характеристика развития орнамента. О.И. Давидан отметила, что орнамент расчесок с дугообразными накладками из Старой Ладogi становится более четким, а плетеный схематизируется до геометризации [13. С. 56. Рис. 1]. Г.Н. Бочаров указал, что в X–XI вв. декорировка новгородских произведений была хаотичной и случайной, а в дальнейшем сменилась более логичной и закономерной. Узоры подчеркивают конструктивные особенности вещи или заполняют все пространство, а утилитарная функция при этом отодвигается на второй план. По мнению исследователя, кость может отчетливо рассматриваться как материал прикладного искусства лишь с рубежа XII–XIII вв. [3. С. 114]. В монографии Л.И. Смирновой изучена организация декора новгородских гребней X в.: его виды и схемы

расположения [6]. При характеристике костяных изделий Южной Руси М.С. Сергеева выделяет виды и варианты орнамента. Отмечено, что орнаментация большинства южнорусских изделий в X – первой половине XIII в. основывалась на абстрактных мотивах в контурной технике, объемный и рельефный декор более характерен для элитарных вещей. Редко используются растительные мотивы, зооморфный декор носит индивидуальный характер. Определенные знаки и надписи на вещах демонстрируют попытку владельца самостоятельно их украсить [8. С. 164–165]. Но полному использованию богатого южнорусского материала мешает отсутствие хотя бы относительной хронологии, только отдельные вещи имеют значимую для хронологических сопоставлений дату. Подробно рассмотрела декор русских гребней, в том числе и костяных, О.А. Кондратьева. Охарактеризованы виды, элементы и композиционные схемы орнамента. Большое внимание уделено характеристике смысловой нагрузки орнамента [9]. Для ряда простых орнаментов и мотивов отмечен их межрегиональный характер и надэтничность [9. С. 84, 99].

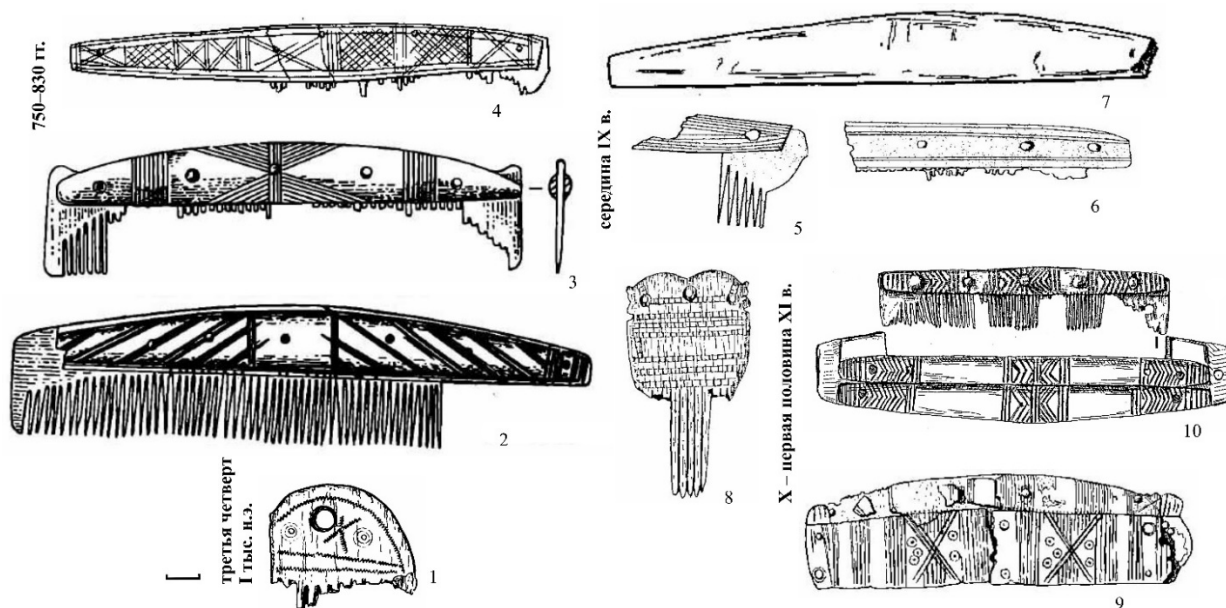

Рис. 1. Геометрический орнамент на гребнях VIII–IX вв.: 1 – Псков, третья четверть I тыс. н.э. [28. Табл. XIX: 17]; Старая Ладога: 2–4 – 750–830 гг. [1. Рис. 1: 1; 29. Рис. 1: 5; 2: 1]; 5, 6 – середина IX в. [10. Рис. 3: 1, 2]; 7 – заготовка гребня, 840–е гг. – вторая половина 860-х гг. [1. Рис. 2: 7]; 8 – середина IX в. [10. Рис. 4: 1]; 9 – Киев, погребение, усадьба Десятинной церкви, X в. [8. Табл. 31: 8]; 10 – Новгород, X – начало XI в. [6. Fig. 3.2: A50, 51]

Цель работы – общая характеристика древнерусского косторезного дела как декоративного искусства в период IX – первой половины XI в.

В связи с этим выполняются следующие задачи:

1. Анализ произведений декоративного искусства, включающий характеристику: а) иконографии/композиции; б) стилистики; в) символики; г) эстетики.

2. Расположение произведений из кости различных регионов в единый хронологический ряд в соответствии с датами археологических памятников (изделия из Южной Руси и другие с чрезмерно широкими датами размещаются по аналогии) для выявления общей истории развития.

3. Характеристика искусства резьбы по кости в общем контексте искусства периода.

Методика включает применение иконографического и стилистического анализа; использование результатов методов археологического датирования.

Основные понятия. Декор – это любое художественное оформление¹ предмета, орнамент – ритмизованное [14]. Декор подразделяется на: бесструктурное оформление, надпись, сюжетное изображение, схему, орнамент.

Бесструктурные покрытия находятся на доиконографической стадии, не давая никакого изображения. Иконография (система изображения) включает характеристику структуры и ориентации изображения. Для сюжетного или фигуративного изображения описывается его состав, поза персонажа, расположение. Для орнамента характеризуются композиция и расположения мотивов в отведенных зонах.

Орнамент подразделяется на общепринятые виды: геометрический, абстрактно-криволинейный², плетеный, растительный, зооморфный; выделяются композиции: свободная, бордюр, розетка, парная/геральдическая, сеточная [15. С. 374].

Многие простые орнаменты находятся на достилевом уровне. Отнесение орнамента к тому или иному виду уже намечает его предварительную стилистическую характеристику, полная же – включает определение формы орнаментальных мотивов и элементов, конкретной специфики линий, очерчивающих их [16. С. 28–31; 17; 18].

Сведения о смысловой нагрузке изображений для данного материала немногочисленны, характеристика семантики дается, когда это представляется возможным.

Характеристика эстетики – красоты и гармонии произведений – проводится по степени соответствия между конструкцией, формой и декором изделий в результате анализа всего материала (выводной раздел).

Источники. Использован археологический материал Старой Ладogi (с середины VIII в.), Новгорода, Гнездовского археологического комплекса, Киева, других памятников Южной и Северной Руси.

Импортные изделия (Скандинавия, Византия и другие регионы) также рассматриваются, поскольку отражают стилистические закономерности своего времени и важны для анализа процесса сложения древнерусской орнаментации.

Геометрический орнамент (линейный). Древнейшие роговые гребни с горбатой или высокой спинкой с раннего поселения на территории Пскова (третья четверть I тыс. н.э.) относятся к общеевропейским формам. Аналогичные есть у финно-угорских и балтских народов, а также на памятниках со смешанным населением (городище Рыуге) [9. С. 8–10. Рис. 2; 19. С. 11]. Одинарный линейный бордюр вторит контуру предмета, орнаментация нерегулярна, центр помечен отверстием и крестообразной фигурой (рис. 1, 1). Орнамент гребня IX в. с зооморфной спинкой из Старой Ладogi организован в узкие бордюры, разделенные на мелкие прямоугольники (рис. 1, 8). Такая орнаментация, иллюстрирующая местную народную традицию,

бытует и на двусторонних гребнях конца X в. [10. Рис. 4: 4, 7].

Односторонние гребни из рога оленя второй половины VIII–X в. считаются предметами скандинавской или северо-европейской культуры [1. С. 99–100; 6. Р. 87–89, 99; 13. С. 58]. По мнению Л.И. Смирновой, данных об их изготовлении в Новгороде нет, а большинство вещей было личной собственностью людей скандинавского происхождения. Но, по данным о сырьевых материалах, изготовление гребней не исключено и наблюдалось недолгое время. Такое производство иногда связывается с работой бродячих мастеров [6. Р. 101–102] (рис. 1, 2, 3). Важно также, что в слоях IX в. Староладожского городища найдена заготовка для накладной пластины гребня с намеченным краевым линейным бордюром. Известны и находки кусков рога для выпиливания пластин [1. С. 100]. Вещи распространялись с помощью торговых и международных связей, были работой приезжих мастеров, передававших свой опыт местным. Определенная часть гребней, по мнению О.И. Давидан, изготавливалась в Ладoge, и, как она справедливо отметила, вещи, распространяясь, перестают принадлежать только тому месту, из которого распространились [13. С. 58, 62–63] (рис. 1, 7).

Фрагменты с ладожского посада демонстрируют использование одинарной и множественной линейной бордюрной орнаментации (рис. 1, 5, 6). В Старой Ладoge во второй половине VIII – первой трети IX в. используется орнамент из косых параллельных линий, создается противопоставление заштрихованных и гладких частей в рамках выделенных вертикальных зон и с выделением центральных. Штриховка геометрических зон создает предпосылки для образования крестообразного раппорта (рис. 1, 2, 3).

В IX–XI вв. линейное подчеркивание зон орнаментации продолжает усиливать внешний контур. Вертикальными линиями помечаются края предмета, поперечные зоны (рис. 1, 5, 6, 9, 10). Орнаментация усложняется косыми линиями, линейными мотивами, разделяющими поверхность на ячейки [10. Рис. 3: 20; 2: 6]. Орнаментальное умножение косых, угловых и вертикальных линий создает либо обильные продольные бордюры по всей центральной пластине, где используются разные раппорты орнамента (рис. 1, 4); либо выделение краевых и центральной зон (рис. 1, 10).

Основная зона орнаментации гребня имеет форму сегмента. Орнамент стремится соответствовать этой зоне, сужается или расширяется в связи с ее формой. Разделение площади поперечными вертикальными линиями выделяет на сегменте несколько зон (от трех и более), вертикальные линии могут быть одинарными, двойными или множественными. Зоны поразному заполняются штриховкой. В целом умножение вертикальных зон разрушает впечатление гармоничной удлиненности формы.

В X в. среди новгородского материала преобладают композиции с поперечными линиями, а в XI в. – с продольным расположением декора [6. Р. 70].

К X – началу XI в. на основе линейного орнамента складывается вариант с использованием крестообразных раппортов, сектора заполняются параллельными линиями (рис. 1, 9). На древнейших экземплярах из Старой Ладogi второй половины VIII – первой трети IX в. поперечные зоны покрыты косой штриховкой в композиции сетки (рис. 1, 4). В X–XI вв. орнаментация усложняется вертикальными делениями и циркульными мотивами (рис. 1, 9).

На различных предметах (гребни, ложки, копоушки, наконечники стрел, игольники) с линейным орнаментом также наблюдается тенденция все большего соответствия орнамента форме. Простые линии в виде бордюров подчеркивают контур, множественно вторят ему, иногда орнаментация этим ограничивается (рис. 2, 4, 9–14). На пряслице IX в. из Старой Ладogi горизонтальные линии выполнены рельефно на токарном станке (рис. 2, 2).

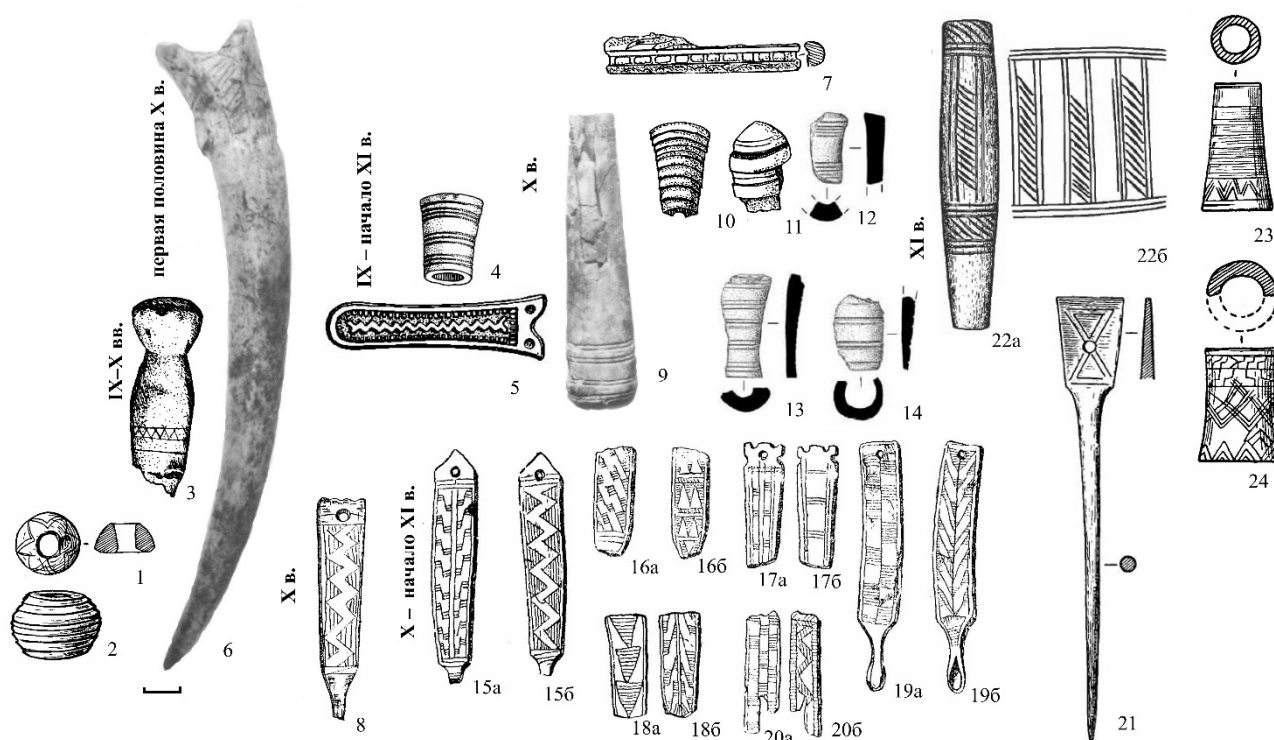

Рис. 2. Геометрический линейный орнамент на костяных и роговых изделиях, IX–XI вв.: 1, 2 – пряслища, Старая Ладога, 840-е – вторая половина 860-х гг. и после второй половины 860-х – 20-е гг. X в. [21. Рис. 3: 2, 3]; 3 – рукоять, Изборск, IX–X вв. [20. Рис. 80: 4]; IX – начало XI в.; Псков: 4 – наконечник стрелы; 5 – накладка [30. Рис. 27: 4, 3, без масштаба]; 6 – острие, Шестовицкое городище, первая половина X в. [23. № 279]; X в.: 7 – накладка, Гнездово, курганы [4. Рис. 3: 2]; 8 – копоушка, Старая Ладога [10. Рис. 5: 1]; 9 – рукоять шила, Шестовица, погребение [23. № 172]; 10–14 – наконечники стрел, Гнездово, курганы [4. Рис. 2, 7, 8; 31. Рис. 1: 3, 5, 6]; копоушки, X – начало XI в.: 15–17, 19, 20 – Петровское, 24, 25, 27, 28 – Тимирево, 18 – Михайловское [2. Рис. 23: 1, 3, 4, 6, 8, 9]; 21 – писало, Новгород, вторая половина X – первая половина XI в. [32. Рис. 1: 2]; 22 – игольник, Киев, XI в. [8. Табл. 26: 5]; 23, 24 – обоймы, Старая Ладога, 930–960 гг. и позже [21. Рис. 4: 10, 11]

В орнаментации бытовых предметов IX–X вв. наблюдаются и более сложные композиции. Бордюры из ломаных линий или косо расположенных прямоугольных элементов создают предпосылки для формирования витых и плетеных орнаментов, композиции прямой сетки (рис. 2, 15a, 16a, 19a, 20a, 24). Бордюры из прямоугольников и треугольников дробят поверхность на мелкие участки, штрихуемые или разделяемые параллельными линиями (рис. 2, 7, 16b, 17a и б, 18a).

Косая штриховка зон выделяет детали объемного изображения или формы: пасть зверя на зооморфном навершии (рис. 2, 6), косой крест на навершии писала (рис. 2, 21). Продольные и поперечные полосы-бордюры с косой штриховкой соответствуют форме предмета (рис. 2, 22). Прямые полосы с зигзагообраз-

ными линиями подчеркивают его основные оси (рис. 2, 3, 5, 8, 15b, 20, 23). Иногда зигзагообразные полосы заштрихованы (рис. 2, 20b). Расположение зигзагообразного бордюра на круглом предмете рождает звездообразную розетку (рис. 2, 1). Симметрично расположенные бордюры из косых линий образуют более сложные варианты из угловых фигур: «елочка», «шевроны» (рис. 2, 18b, 19b).

Примеры использования циркульного орнамента (точка в центре окружности) на гребнях с высокой фигурной спинкой VIII–IX вв. из Пскова и Александровой Горы характеризуются свободным заполнением зоны спинки циркульными мотивами и простейшими линейно-угловыми группировками из них (рис. 3, 1, 8, 9). Для односторонних гребней характерна

композиция, соответствующая сегменту, приближающаяся к сетке или бордюру, но не достигающая регулярной строгости (рис. 3, 2, 3, 5, 6). На двусторон-

них гребнях X–XI вв. предпочтительна регулярная сеточная организация мотивов в виде розеток и линий вдоль центральной зоны (рис. 3, 12, 13).

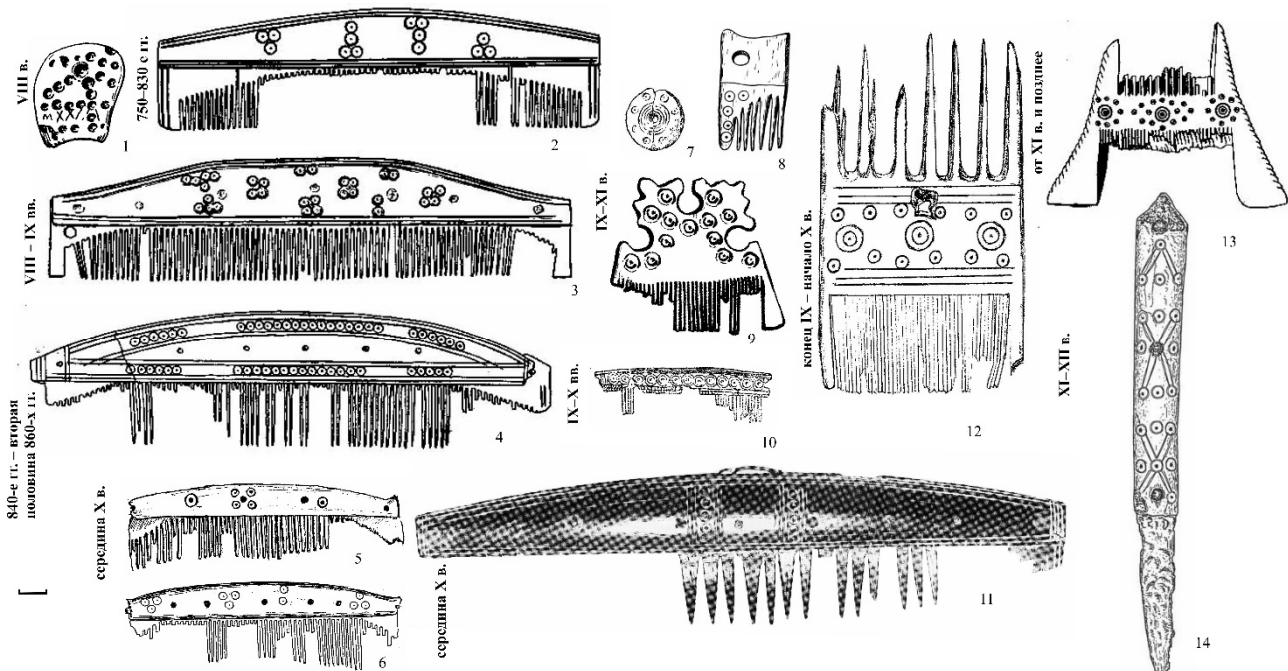

Рис. 3. Циркулярный орнамент, различные предметы, гребни: 1 – Псков, VIII в. [9. Рис. 1: 1]; Старая Ладога: 2, 3 – VIII–IX вв.; 4 – 840-е гг. – вторая половина 860-х гг. [1. Рис. 1: 3, 4, 6]; 5, 6 – Новгород, середина X в. [6. A122 и A144. Fig. 3.33]; 7 – пуговица, Тимирево, курган, IX–XI вв. [2. Рис. 23: 13]; гребни: 8 – Псков, конец IX – начало XI в. [33. Рис. 39в: 20]; 9 – Александрова Гора, Ярославская обл., IX–XI вв. [9. Рис. 11]; 10 – Тимеревское поселение, IX–X вв. [27. Рис. 16: 5]; 11 – Новгород, середина X в. [6. A326. Fig. 3.37]; Старая Ладога: 12 – конец IX – начало X в. [10. Рис. 4: 9]; 13 – от XI в. и позднее [1. Рис. 4: 10]; 14 – рукоять, Киев, площадь Майдан Незалежности, конец XI в.; [8. Табл. 30: 1]

Циркулярный декор других предметов показывает аналогичные тенденции. Заполнение свободной поверхности с вниманием к форме зоны орнаментации характерно для IX–X вв. [4. Рис. 4: 8; 3: 1; 20. Рис. 80: 4]. Циркулярный орнамент достаточен для орнаментации круглых полусферических предметов, условно называемых «пуговицы», их форма стимулирует возникновение розеточной композиции (рис. 3, 7). Изделия X–XI вв. демонстрируют геометрические группировки циркулярных мотивов: розетка, крест, полоса [8. Табл. 55: 1; 59: 8; 21. Рис. 3: 11].

Линейный орнамент, как правило, объединяется с **циркулярным**. В середине VIII – первой трети IX в. малорегулярные композиции оконтуриваются линиями (рис. 3, 2). В IX в. наблюдаются линейно выделенные в полосы краевые и поперечные регулярные бордюры (рис. 3, 4), развивающиеся и в X–XI вв. (рис. 3, 10, 11). Выделение поперечных бордюров сочетается с краевыми и поперечными линиями. В XI–XII вв. циркулярные элементы соединяются линиями в геометрические крестообразные фигуры (рис. 3, 14).

Наблюдаются орнаменты, переходные к сеточной композиции. Во-первых, это орнаментация с крестообразными раппортами (рис. 1, 9). Во вторых, в IX–

X вв. – это полосы крестов (одинарных и двойных), ряды треугольников (рис. 4, 1–3). В X–XI вв. этот орнамент типичен, он зрительно удваивается, повторяясь на гребне и футляре (рис. 4, 4–6), по краям он дополняется поперечными линиями или делится на зоны с выделением центральной (рис. 4, 6).

Итогом движения к регулярности разных вариантов геометрического орнамента является сложение устойчивой сеточной композиции.

Линии в композиции косой сетки на односторонних гребнях Старой Ладоги середины VIII – начала IX в. заполняют всю поверхность, пересечения иногда помечаются группировками циркулярного орнамента (рис. 5, 1, 2). В IX–X вв. композиция усложняется: сегментообразная зона делится на поперечные части с выделением центральной (рис. 5, 3). В X–XI вв. сетчатую композицию имеет, как правило, центральная зона (рис. 5, 4, 6–11), иногда – центральная и краевые [9. Рис. 18: 4; 22. Рис. 4: 2] (рис. 4, 8). По материалам Мининского археологического комплекса орнамент с зонами сформировавшейся сетки связан с изделиями из погребений по обряду ингумации XI в. [7. С. 224] (рис. 5: 11). Это дает важное хронологическое подтверждение сложения регулярной композиции сетки к XI в.

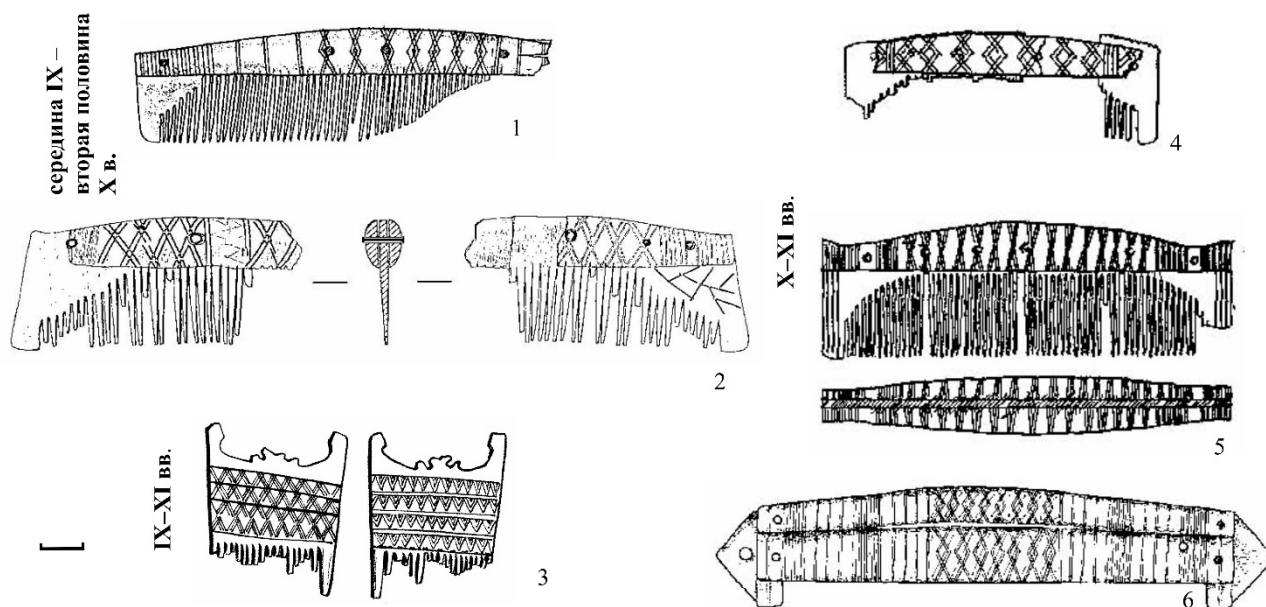

Рис. 4. Орнамент геометрический (формирующая композиция сетки), VIII–X вв.: односторонние гребни; 1, 2 – Старая Ладога, середина IX – вторая половина X в. [10. Рис. 3: 3, 7]; 3 – двусторонний гребень, Тимерево, поселение, IX–XI вв. [9. Рис. 6]; односторонние гребни, X–XI вв.: 4, 5 – Старая Ладога [1. Рис. 3: 7, 9]; 6 – Киев [8. Табл. 31: 9]

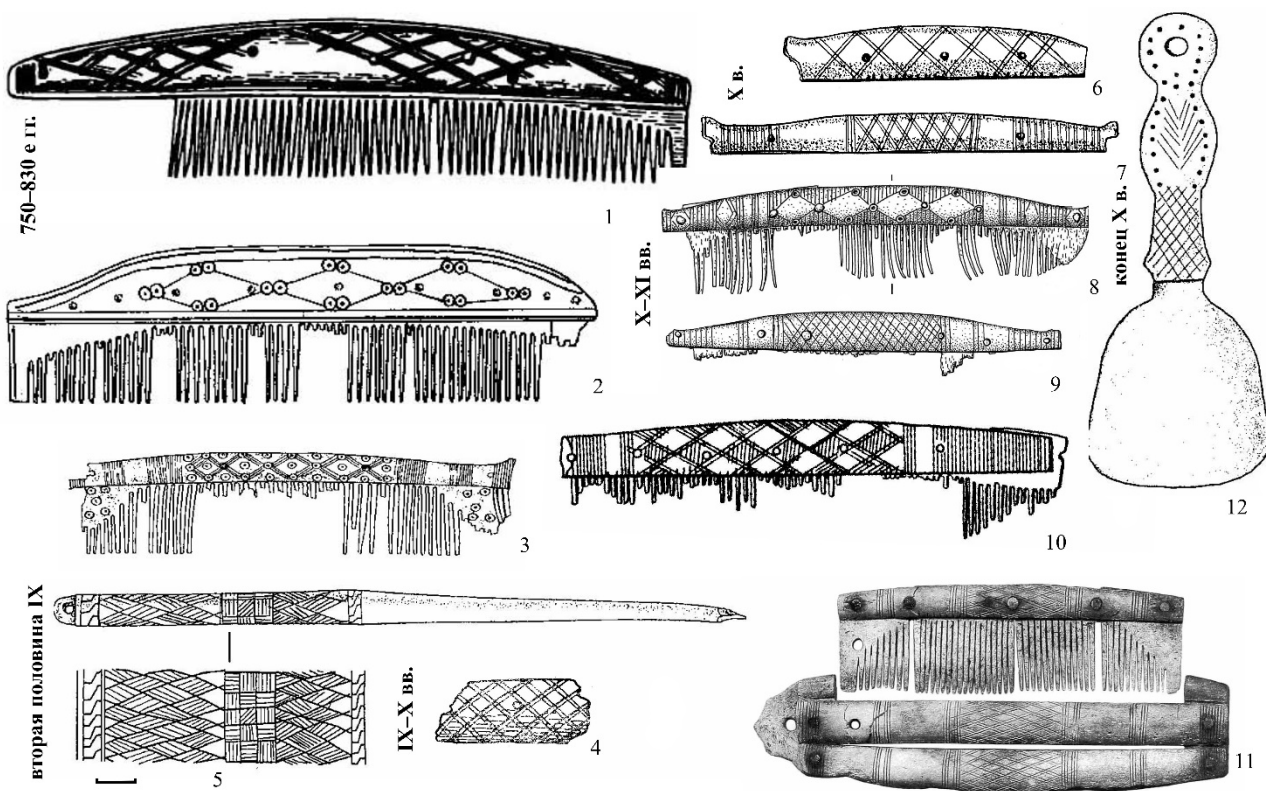

Рис. 5. Геометрический орнамент, композиция сетки: гребни, VIII–IX вв.: Старая Ладога; 1, 2 – 750–830-е гг. [29. Рис. 1: 5; 1962. Рис. 1: 2]; 3 – середина IX – вторая половина X в. [10. Рис. 3: 6]; 4 – Тимерево, поселение, IX–X вв. [27. Рис. 17: 7]; 5 – булава, Старая Ладога, вторая половина IX в. [10. Рис. 6: 17]; гребни, Гнездово: 6, 7 – X в. [4. Рис. 1: 1, 2]; 8, 9 – середина X – начало XI в. [22. Рис. 3: 3; 4: 1]; 10 – Старая Ладога, X–XI вв. [9. Рис. 18: 6]; 11 – могильник Минино II, середина X – последняя четверть XI в. [7. Рис. 186: 2]; 12 – ложка, Старая Ладога, конец X в. [10. Рис. 8: 5]

На других предметах второй половины IX – начала XI в. сетчатые бордюры расположены вдоль и поперек. Косая и прямая сеточные композиции, сочетаясь, создают разнообразие (рис. 5, 5). На ложке сетчатая зона занимает суженный участок при переходе к ло-

паске, на более широких частях использованы линейный и точечный орнаменты, подчеркивающие очертания расширений (рис. 5, 12).

Абстрактно-криволинейный орнамент. Элементы орнамента могут использоваться сплошь по поверх-

ности, но его более эффектные мотивы могут выделяться, акцентируя видные части предмета; он естественно сочетается с линейными и циркульными элементами.

На гребнях с высокой спинкой: в одном случае спинка образована ажурными соединенными S-овидными завитками – Псков, VIII–IX вв.; в другом – покрыта сеткой из дугообразных ячеек – Изборск, IX–X вв. (рис. 6, 1, 2). Сходная арочная сетка есть и на копоушке из Тимерево (рис. 6, 13). Амулет из материала роменской культуры имеет сложную трехзубчатую форму окончания (рис. 6, 8). На булавке из Старой Ладogi объемно выполнено округло-криволинейное навершие (рис. 6, 14).

Во второй половине IX – начале XI в. на односторонних расческах повторяются дугообразные фигуры или используются одиночные S-овидные, выполненные циркульными элементами (рис. 6: 3–7).

Арочная сетка или бордюр, а также витой орнамент характерны для фрагментов накладок византийских костяных ларцов из Гнездово X в. (рис. 6: 9–12).

Плетеный или витой орнамент. Симметричная относительно вертикальной оси абстрактно-криволинейная композиция орнамента на гребне из Пскова VIII–IX вв. дает основу для более сложной завитково-плетеной орнаментации гребней с высокой спинкой IX–X вв. из Изборска и Старой Ладogi (рис. 6: 1; 7: 1, 2).

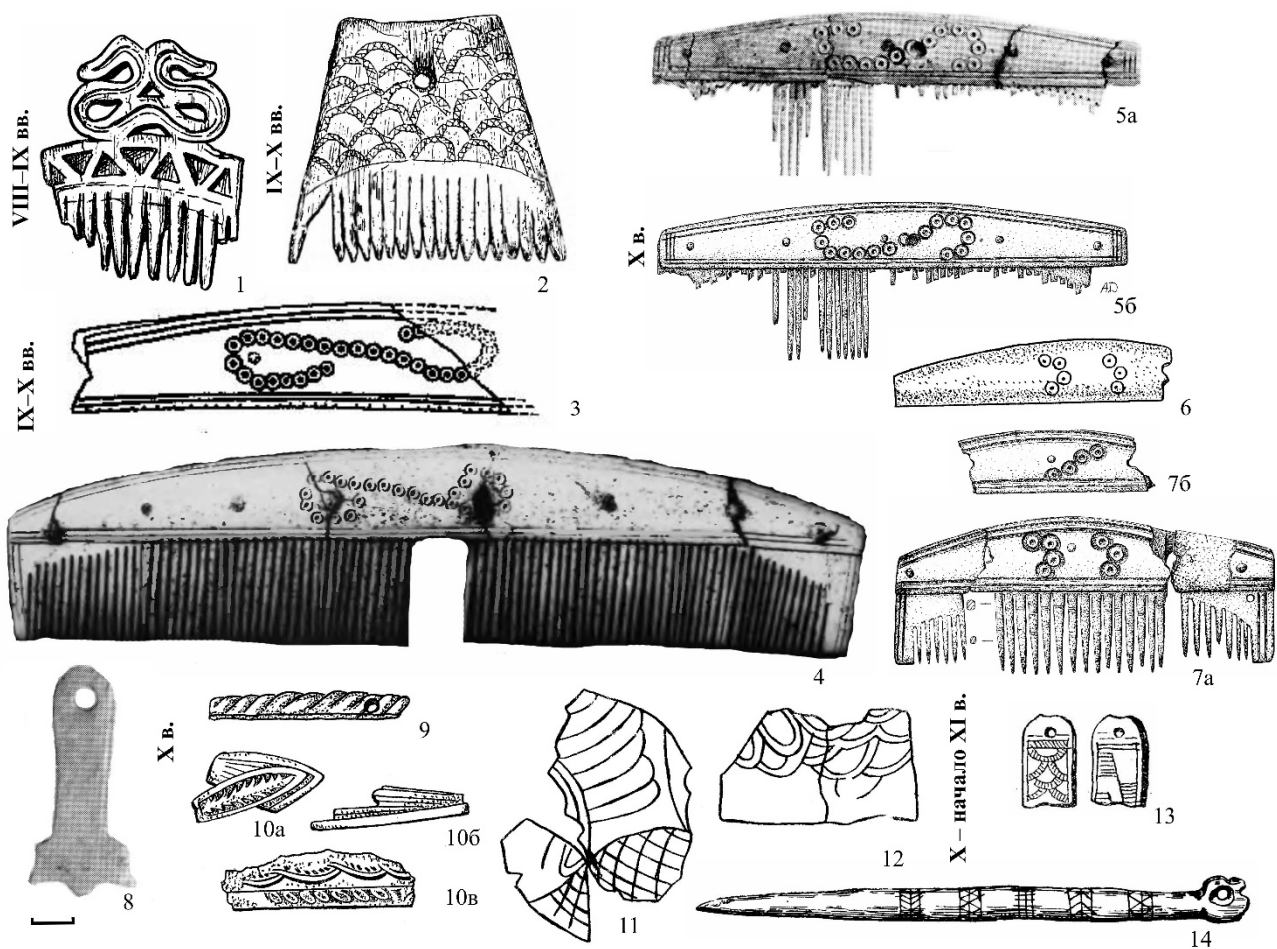

Рис. 6. Абстрактно-криволинейный орнамент: гребни: 1 – Псков, VIII–IX вв. [28. Табл. XIX: 6]; 2 – Изборск, вторая половина IX – начало X в. [20. Рис. 82: 2]; 3 – Старая Ладoga, конец IX. – начало X – XI вв. [1. Рис. 2: 3]; 4 – Изборск, рубеж IX–X вв. [20. Рис. 83]; 5–7 – Гнездово, X в. [4. Рис. 1: 5; 11. Рис. 1: 1, 2; 34. № 474]; 8 – амулет, Большое Горнальское городище, Суджанский район, роменская культура, IX–X вв. [34. № 639 – без масштаба]; 9–12 – накладки, Гнездово, курганы, X в. [4. Рис. 3: 3–6]; 13 – копоушка, Тимерево, курган, X – начало XI в. [2. Рис. 23: 5]; 14 – булавка, Старая Ладoga, 930–960 е гг. и позже [21. Рис. 4: 14]

Стилистика. Орнаменты подразделяются на прямолинейные и криволинейные. Прямолинейные витые (из двух полос) и плетеные (из трех полос) орнаменты есть на односторонних гребнях X–XI вв.

(рис. 7: 3–7, 12). Независимо от происхождения вещей такой орнамент вряд ли напрямую связан со скандинавскими стилями, скорее, он выглядит как развитие линейного.

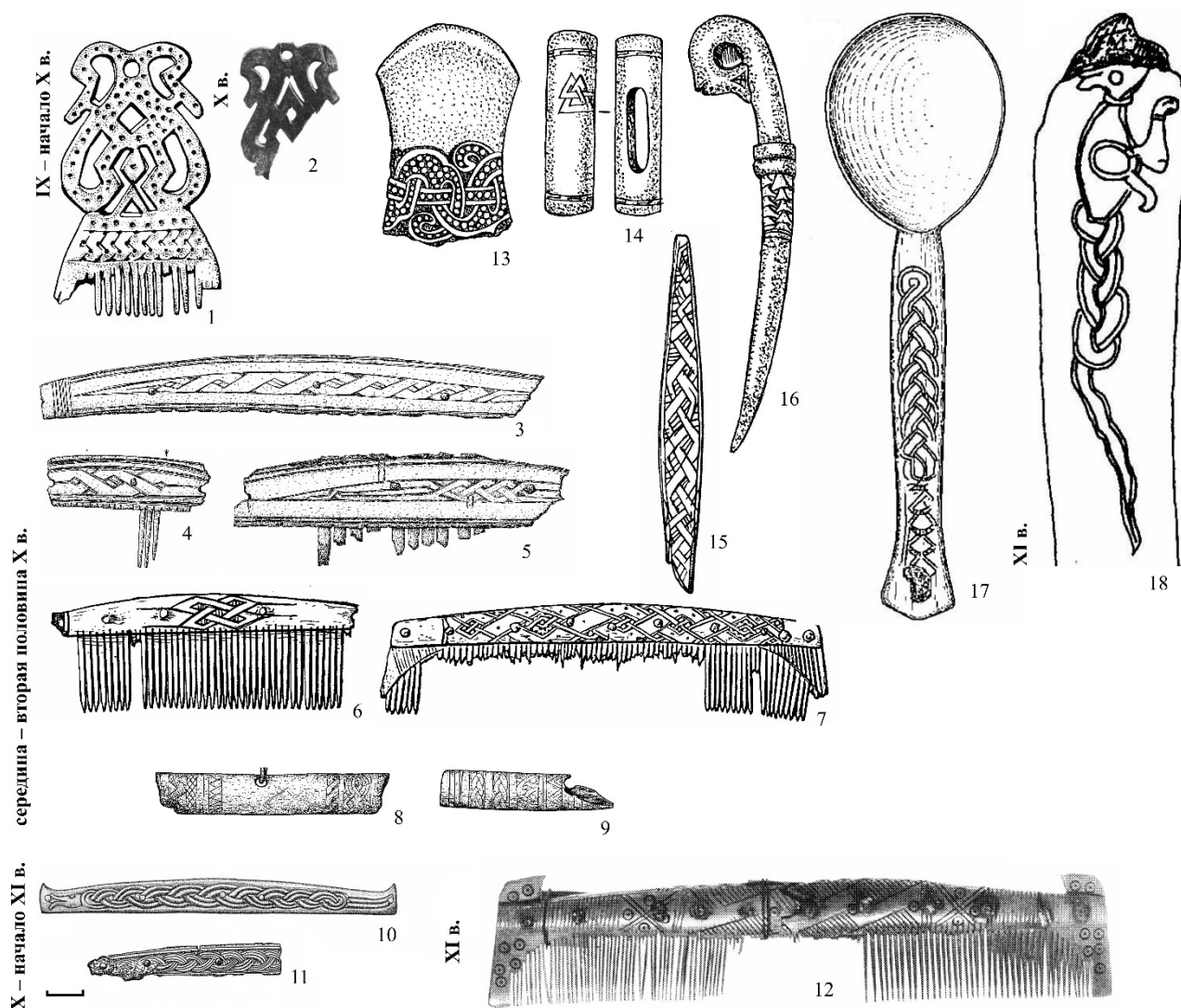

Рис. 7. Плетеный орнамент: 1 – гребень, Изборск, вторая половина IX – начало X в. [20. Рис. 82: 1]; 2 – гребень (?), Старая Ладога, X в. [35. № 341]; гребни: 3–5 – Гнездово, вторая четверть – вторая половина X в. [11. Рис. 2: 1, 2, 6]; 10, 11 – X – начало XI в. [22. Рис. 3: 1, 2]; Новгород: 6, 7 – середина X в. [6. A18. Fig. 3.31; A115. Fig. 3.70]; 12 – середина XI в. [6. Fig. 3.14. A77]; X в., Гнездово: 8, 9 – игольники [36. Рис. 4: 4, 5. № 11, 20]; 13 – рукоять, курган; 14 – цилиндр со схемой, городище; 16 – острие [4. Рис. 4: 6, 10; 5: 4]; 15 – часть ложки, Старая Ладога, 930–960-е гг. и позднее [21. Рис. 4: 19]; 17 – ложка, Киев [8. Табл. 40: 1]; 18 – ребро коровы, место находки неизвестно, XI в. – ? [23. № 239]

На игольниках из Гнездово X в. наряду с регулярным наблюдаются варианты скандинавского узловатого плетеного орнамента с выделяющимися треугольными звеньями, совмещающего прямолинейность и криволинейность (рис. 7, 8, 9).

Гребни X – начала XI в. из Гнездово имеют регулярный плетеный криволинейный орнамент (рис. 7, 10, 11). Примеры криволинейного орнамента с узловатой нерегулярной структурой тяготеют к скандинавским стилям Еллинг и Маммен – фрагмент острия [23. № 27, 227] (рис. 7, 13).

Скандинавский плетеный орнамент характеризуется разной толщиной переплетающихся лент и выделяющимися

треугольными звеньями [24. Р. 13; 25. Рис. 3] (рис. 7, 15–17).

В X–XI вв. есть примеры с нанесенными в упрощенной манере одиночными схемами звеньев сложных скандинавских орнаментов, что можно рассмотреть как свидетельство их освоения (рис. 7, 14, 18). Плетеный регулярный, прямолинейные витой или плетеный орнаменты можно также рассматривать как упрощение и адаптацию сложных образцов скандинавских звериных стилей.

Растительно-завитковый орнамент известен на накладках для лука X в. из курганов из окрестности Чернигова (рис. 8).

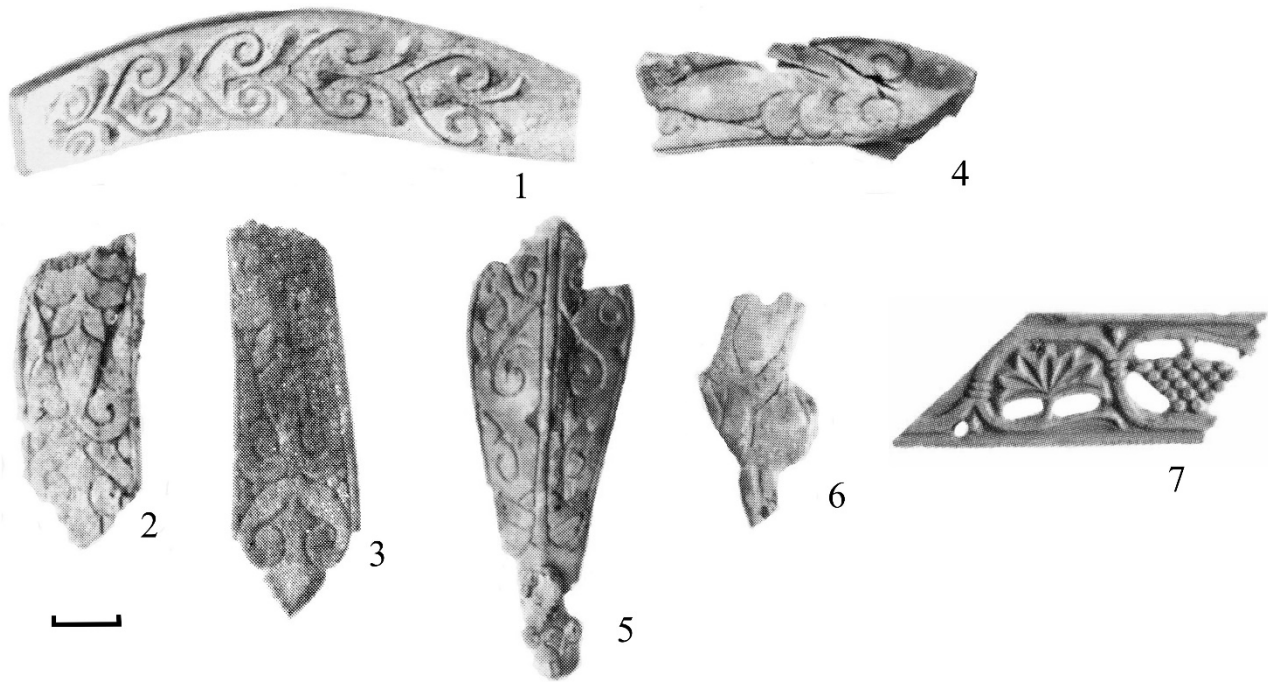

Рис. 8. Костяные изделия с растительным орнаментом, X в.: 1 – накладка, Черниговская обл., Седневские курганы; 2–6 – фрагменты накладок на лук, курган Гульбище, Чернигов.; 7 – Херсонес, X–XI вв. [34. № 716, 692, 784]

Преобладает бордюрная композиция, ориентированная в соответствии с продольной осью предмета или разделенная ею; бордюр подразделен на раппорты. Характер орнамента на одном из фрагментов неясен (геометризованные соты?), возможно, это композиция косой сетки (рис. 8, 6).

Стилистика. На накладке из Седневских курганов орнамент геометризован, состоит из четких сердцевидных раппортов, из центра которых выходят раздваивающиеся стебли с пышными почками или листьями (рис. 8, 1). Этот вариант демонстрирует линейную основу, способствовавшую возникновению пышных элементов в промежутках между линейными. На примере из кургана Гульбище наблюдается сходный вариант орнаментации (рис. 8, 5). Но на остальных фрагментах с завитковой основой связываются пышные растительные элементы: листья, почки (рис. 8, 2–4). Эти примеры демонстрируют разработку на Руси широко известного в Европе одного из наиболее ярких стилей данного времени – растительного декоративного, значительно более широко представленного в металле.

В качестве образцов для растительного орнамента Руси с конца X в., вероятно, начали выступать византийские образцы, подобные костяной пластине ларца из Херсонеса с орнаментальным геометризованным бордюром «виноградная лоза» (рис. 8, 7). Но примеров проявления такой орнаментации в древнерусской резной кости этого времени пока не обнаружено.

Зооморфный орнамент. Композиция и иконография. Звериноголовые объемные завершения возникают на окончаниях удлиненных предметов, продолжая или акцентированно завершая конструкцию острия или рукояти. Зона головы, как правило, четко отделена от основной части вещи, которая либо оставлена

гладкой, либо ее в основном плоскостная орнаментация (геометрическая, витая, плетеная) носит абстрактный характер (рис. 9; 10, 9).

Сходна и композиционная трактовка подвесок, вся форма которых, не связанная конструктивным назначением, уподобляется фигурке водоплавающей птицы (рис. 10, 1–3).

Симметричная форма гребней и застежек узды стимулирует развитие парных изображений в виде силуэтно- и объемно-выделенных звериных голов, переходящих в соответствующую деталь конструкции, принимающую вид условного туловища (рис. 10, 6, 11–13). В отдельном случае парное зооморфное изображение на гребне становится частью сложной мифологической композиции (рис. 10, 1).

На плоских пластинах – деталях ларцов или других предметов – присутствует не только изображение головы, но и полное изображение зверя, вписываемое в зону, определяемую общей конструкцией предмета. Имеющиеся примеры демонстрируют стремление орнаментировать всю фигуру, но абстрактно, без выделения реальных деталей звериного облика (рис. 10, 8, 10, 14, 16).

Стилистика. Целый ряд зооморфных завершений роговых острий X – начала XI в. дают скандинавскую стилистику³, некоторые сопровождаются нерегулярным плетеным орнаментом (рис. 9, 1, 2, 7–10, 12). Но сопоставить зооморфные головки с элементами конкретных скандинавских звериных стилей трудно в связи с упрощенностью трактовки. Возможно, это также примеры освоения сложной орнаментации. Можно указать более простые, переданные в геометризованной манере изображения (рис. 9, 3–6). Есть и формы, выполненные чрезвычайно грубо (рис. 9, 11, 13). Эти вещи, сделанные, возможно, при определенном подра-

жании скандинавским изделиям, приобрели самостоятельный облик. Головки зверей дополнены линейным и геометрическим орнаментами (рис. 9, 10, 12). Поделка X–XI вв. из Плесненска (Галицко-Волынские земли) с зооморфным криволинейным завершением дополнена

циркульным орнаментом (рис. 9, 16). Традиция геометризированной передачи завершений удлиненных предметов продолжается на копоушках XI–XII вв. из Киева и Старой Ладogi, пасть зверя передается прямыми линиями (рис. 9, 17–19).

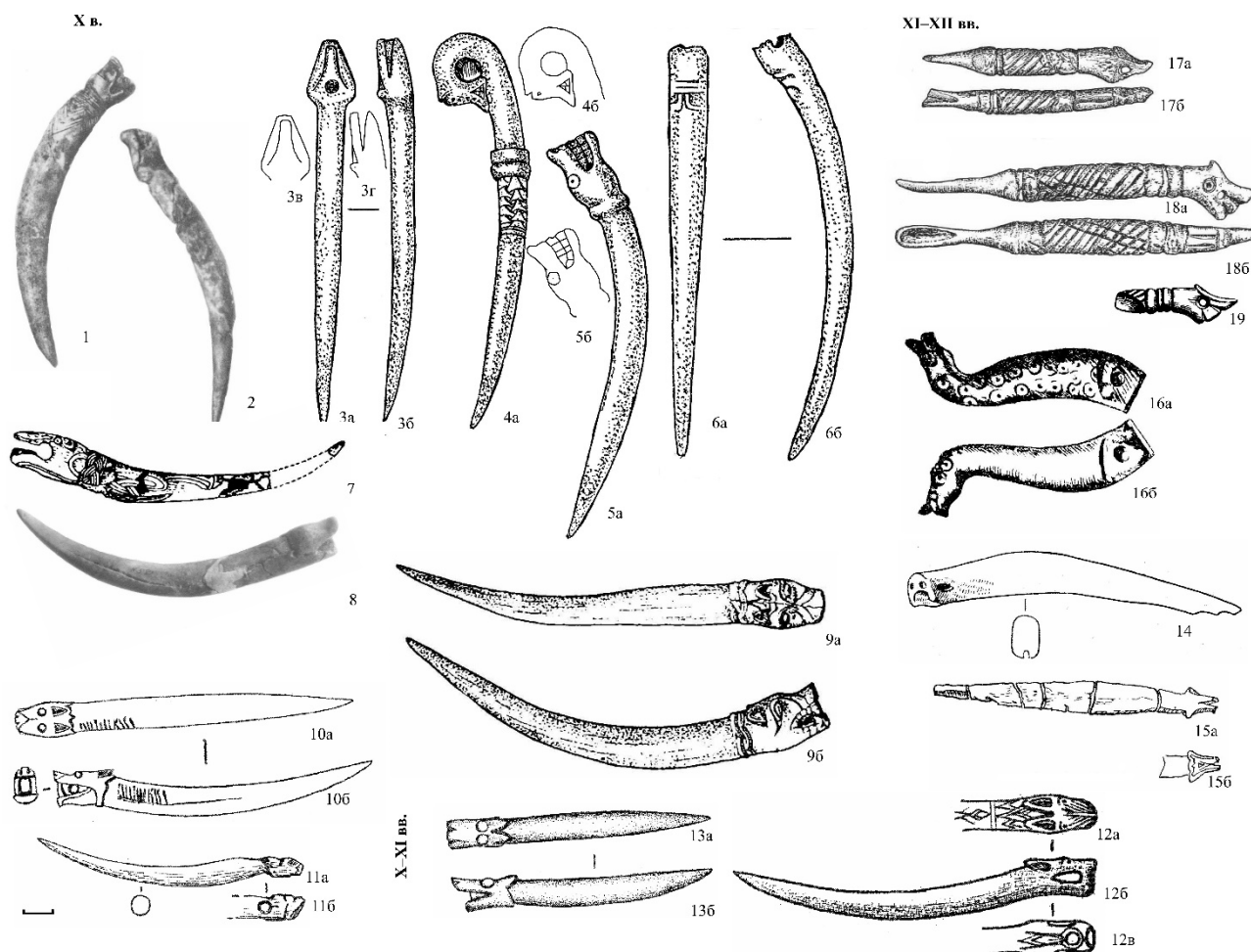

Рис. 9. Зооморфные завершения на удлиненных костяных предметах: остря, X в.: 1, 2 – Киев, погребения [23. № 19, 20]; 3–6 – Гнездово, курганы [4. Рис. 5: 1–4]; 7, 8 – Шестовицы, погребения [23. № 158, 173]; 9 – Городище, Полтавская обл., Чернухинский р-н [23. № 243]; Беларусь: 10, 11 – Прудники; 12, 13 – Менка, Укля, X–XI вв. [12. Мал. 1: 1, 2; 2: 1, 3]; 14 – Тимеревское поселение, IX–XI вв. [27. Рис. 46: 4]; 15 – Тимеревский могильник, X – начало XI в. [2. Рис. 23: 14]; 16 – псалий (?), Плесненск, Галицко-Волынские земли, X–XI вв. [37. Табл. IV: 11]; 17, 18 – копоушки, Киев, XII в. [8. Табл. 39: 15, 16]; 19 – Старая Ладога, переотложенные слои, по аналогии XI–XII вв. [21. Рис. 4: 9]

Геометризованный характер декора наблюдается на рукояти кнута из Киева (Щекавица) X в. и навершии из Старой Ладogi (рис. 10, 8, 9). Оба предмета обильно дополнены бордюрами геометрического и абстрактно-криволинейного орнамента. Трактовка пасти зверя на навершии близка к скандинавскому стилю Осеберг [24. Р. 122].

Народную традицию обобщенной передачи зверя и птицы с элементарной стилизацией демонстрируют гребень из Пскова и привески-уточки из Изборска и Старой Ладogi VIII–IX вв. (рис. 10, 1–4), гребень из Старой Ладogi X–XI вв. (рис. 10, 6); застежки узды из Киева, Вышгорода и Шестовиц XI в. (рис. 10, 11–13).

Поделки из Тимеревского комплекса IX–XI вв. и Старой Ладogi дают примеры примитивных попыток передать звериный образ на концах удлиненных

предметов, можно видеть подражание гребням с выступами, в которых улавливаются реликты звериных морд (рис. 9, 14, 15; 10, 14). Накладка из Старой Ладogi в виде змеи восьмеркообразной формы вызывает ассоциации со скандинавскими орнаментами [24. Р. 127] (рис. 10, 15).

Наиболее интересны две пластины, являющиеся фрагментами более крупных орнаментальных композиций, с изображениями частей звериных тел. Киевская накладка с территории горы Киселевки X–XI вв. близка к скандинавскому стилю Еллинге лентообразным телом зверя (грифон?), но для данного звериного образа характерна большая цельность по сравнению со скандинавскими и более геометризованная стилистика, контур заполнен трехгранно-выемчатой резьбой (рис. 10, 10). Как

относительную аналогию можно рассмотреть орнамент в стиле Еллинг на деревянных брусках из Новгорода [26. Табл. 19: 1, 2]. Но также, возможно, что киевское изображение относится к европейской

романской стилистике, сохранившей реликты германских стилей. Европейская или германская традиция представлена и на ложке с Гнездовского городища X в. (рис. 10, 7).

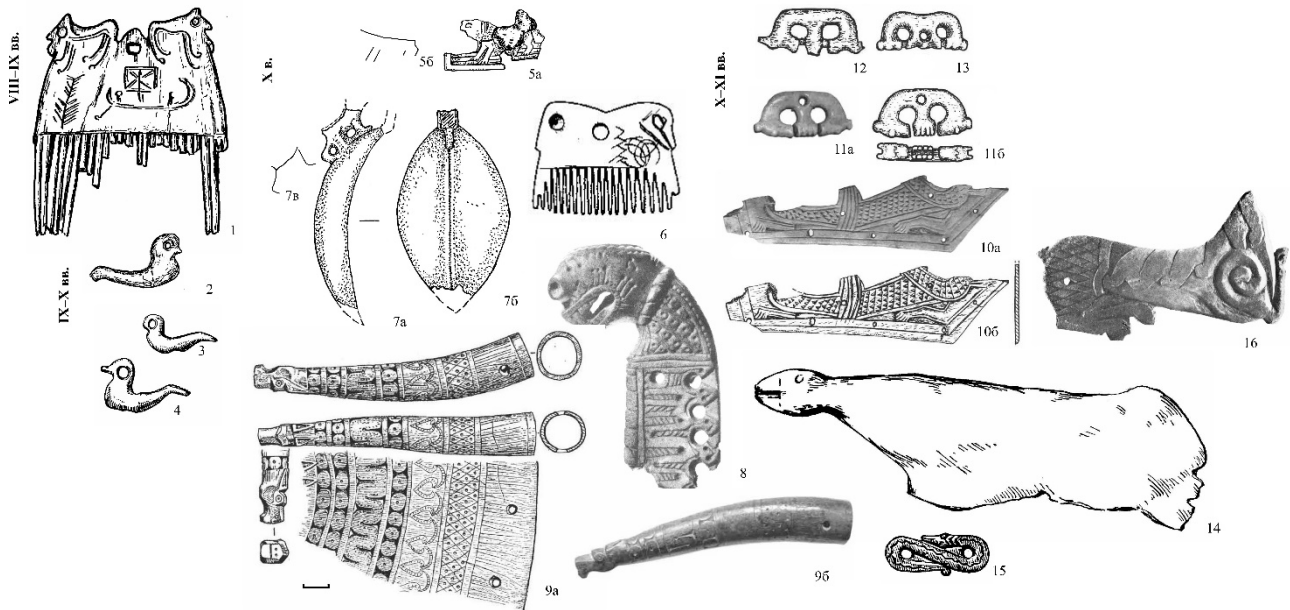

Рис. 10. Костяные и роговые изделия с зооморфным орнаментом: гребни: 1 – Псков, VIII–IX вв. [28. Табл. XIX: 2]; 6 – Старая Ладога, X–XI вв. [1. Рис. 4: 2]; привески: 2 – Изборск, IX–X вв. [20. Рис. 81: 1]; 3, 4 – Старая Ладога, 840-е – вторая половина 860-х гг. [21. Рис. 4: 3, 4]; X в., Гнездово: 5 – фрагмент ларца [4. Рис. 3, 3]; 7 – ложка [4. Рис. 3, 8]; 8 – навершие, Старая Ладога, X–XI вв. [35. № 354a]; Киев: 9 – рукоять кнута, X в. [8. Табл. 61: 8, 62: 1]; 10 – накладка, X–XI вв. [8. Табл. 61: 9, 62: 5]; 11–13 – застежки узды, Киев, Вышгород, Шестовицы, XI в. [8. Табл. 61: 4, рис 55: 2]; Старая Ладога – 14 – поделка, X–XI вв.; 15 – накладка, горизонт не указан [21. Рис. 1: 11; 4: 5]; 16 – пластина, Н. Новгород, XI в. [3. Ил. 75 – без масштаба]

Пластина XI в.⁴ из Новгорода имеет форму четвероногого зверя, очерченного плавными линиями. Грива (льва?) их отображена параллельными мягкими завитками, впереди находится спиральный завиток. Здесь можно увидеть комбинацию скандинавского стиля Рингерики с растительным декоративным. Сходная стилистическая комбинация характерна для резных новгородских деревянных колонн XI в. [25. Рис. 4: 6, 14, 16]. Задняя часть тела покрыта сеточной штриховкой, что сближает изображение с манерой нанесения зверей на турьем роге из Черной Могилы (рис. 10, 16). Указанные произведения демонстрируют процесс стилистического симбиоза.

Пластина византийского ларца с изображением четвероногого зверя отличается геометризированной стилистикой, свойственной византийскому искусству в данное время (рис. 10, 5).

Семантика. Различного рода схемы на изделиях из Изборска, с Тимеревского селища и из Старой Ладоги можно считать попытками освоения орнаментов или общими религиозными символами: крест, стрела, звено плетеного орнамента [20. Рис. 79: 9; 21. Рис. 4: 17; 27. Рис. 39: 11].

Высокая спинка гребня из Пскова передает, скорее всего, мифологический сюжет, связанный с путешествием в загробный мир на ладье (рис. 10, 1). Привески-уточки, вероятно, служили амулетами, связанными

с общим мифом о сотворении мира водоплавающей птицей (рис. 10, 2–4).

Среди костяных изделий пока особняком стоит *антропоморфная личина*, идолообразное изображение (рис. 11). Аналогии имеются среди деревянных изображений [25. Рис. 1]. Общая форма головы и лицо очерчены грубо и крупно, но правильно и пропорционально. Выделен крупный нос. Заострение внизу свидетельствует о том, что предмет мог втыкаться в землю, глину, какую-либо временную мягкую основу, возможно, для совершения индивидуального обряда. Изображение лишено декоративности, акцентировано достаточное для узнавания изображение идола. Голова берет на себя смысл и роль самого идола.

Примеры объемной резьбы показывают совершенное умение создавать граненый или сферический корпус изделий, что было важно при изготовлении рукоятей и кистеней [21. Рис. 3: 5, 6, 10].

Заключение. Древнерусские костяные бытовые предметы с линейной орнаментацией соответствуют уровню народного искусства и общеевропейской культуре обработки. В VIII–IX вв. линейная орнаментация подчеркивает форму вещей, но возникают и композиции с противопоставлением гладких и заштрихованных зон, выделяющих детали формы и изображений. В X – начале XI в. распространены композиции с поперечными зонами (крестообразные раппорты). Бордюры, построенные ломаными линия-

ми, создавали предпосылки для формирования витых и плетеных орнаментов; крестообразные раппорты и полосы одинарных и двойных крестов – устойчивого

орнамента в композиции сетки. В XI в. складываются сложные композиции с включением сеточной орнаментации.

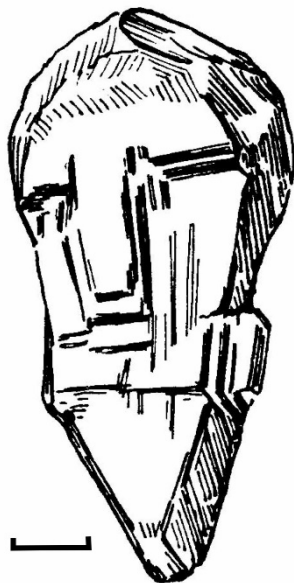

Рис. 11. Антропоморфная личина, Старая Ладога, X–XI вв. [21. Рис. 4: 2]

Процесс усложнения геометрического орнамента в отдельные периоды (IX–X вв.) приводит к разрушению общей гармоничности (эстетичности) изделия, но развитие ритмической организации и регулярности орнамента в X – начале XI в. возвращает эстетическую гармонию. Итогом является распространение сеточного орнамента.

Абстрактно-криволинейный орнамент (S-овидные фигуры, дуги, арки) в VIII–X вв. использовался и на народном уровне и на предметах иностранного происхождения (Скандинавия, Византия). Прямолинейные, плетеный и витой, орнаменты выглядят как развитие линейного и могут иметь местное происхождение. Примеры криволинейного плетеного орнамента с узловатой нерегулярной структурой тяготеют происхождением к скандинавским стилям Еллинг и Маммен. Регулярные варианты можно рассматривать как адаптацию сложных образцов орнаментации, связанных со скандинавскими звериными стилями, а также как базу для развития дальнейшего древнерусского стилеобразования.

Предметы с абстрактно-криволинейным орнаментом выглядят гармонично и эстетически завершено, поскольку он дает и непрерывность заполнения любых по форме зон (пропорционально расширяясь или сужаясь, умножая количество элементов), не теряя при этом регулярности, и эффектное акцентирование гротескными мотивами формы предмета.

Немногочисленные примеры декоративного растительного пышного стиля в резной кости демонстрируют разработку на Руси широко известного в Европе растительного декоративного стиля, сопутствующего оформлению элитарных предметов воинской экипировки.

Зооморфный орнамент дополняет объемными окончаниями удлиненные широко распространенные бытовые предметы, акцентируя их форму и функцию. Некоторые вещи позволяют отметить языческую семантическую нагрузку изображения. Высокая спинка гребня из Пскова VIII–IX вв. передает мифологический сюжет. Конфигурация полного изображения зверя определяется общей конструкцией предмета, орнамент покрывает фигуру абстрактно.

Часть зооморфных завершений на роговых остриях X – начала XI в. характеризуется скандинавской стилистикой, сопровождаясь нерегулярным плетеным орнаментом; другая – простыми и грубыми геометризованными формами звериных изображений, выполненных с долей подражания скандинавской стилистике, но дополненных линейным и геометрическим орнаментом и получивших самостоятельный облик.

Народную традицию обобщенной плавной передачи зверя и птицы демонстрируют гребни с высокими фигурными спинками, зооморфные амулеты VIII–X вв., детали узды XI в. Есть примеры примитивной передачи звериных образов.

Ряд произведений отражает процесс стилистического симбиоза: одни позволяют предполагать европейскую или германскую традицию, ощутившую византийское воздействие; другие – комбинацию скандинавского стиля Рингерики с растительным пышным стилем.

Примеры X–XI вв. с передачей в упрощенной манере схем или звеньев скандинавских орнаментов можно рассмотреть как свидетельство их освоения. Другие схемы были религиозными символами: крест, стрела. Идолообразное костяное изображение человеческой личности находит аналогии среди деревянных идолов.

Семантическая нагрузка снижает эстетический уровень, поскольку акценты противоречат ритму и создают дисгармонию, или совсем лишает изделие эстетичности.

Искусство резьбы по кости сходно в своем развитии с другими видами декоративно-прикладного искусства Руси. С резьбой по дереву его роднит активное использование геометрического орнамента, сходных традиций плетеного (скандинавской узловой и регулярной византийско-древнерусской), создание обобщенных зооморфных образов, наличие идолообразных изображений.

Малое распространение растительного орнамента таково же, как и в орнаменте золотных вышивок, фи-

лиграни, резьбе по дереву [18, 25]. Все это подчеркивает, что растительный орнамент, широко известный в рассматриваемое время только в художественном металле, находился в состоянии формирования.

Так же, как и в других видах искусства на Руси в рассматриваемый период, наблюдались, выбирались, адаптировались и усваивались образцы скандинавского, византийского и европейского орнаментов. Упрощенные и обобщенные варианты оказались способны лечь в основу будущих древнерусских стилей. Резная кость демонстрирует ту же лабораторию выбора в сфере искусства, какой Русь осуществляла в сфере государственной и религиозной организации.

Примечания

¹Слово «художественный» не имеет характера термина с жестко определенным содержанием; его общий смысл означает «связанный с искусством», «эстетический». В нашем случае это слово означает какое-либо украшение изделия, т.е. приближение его к сфере произведений искусства.

²Абстрактно-криволинейный орнамент состоит из элементов и мотивов, очерченных прямыми и кривыми линиями, которые невозможно сопоставить с какими-либо природными или художественными объектами – растительными, зооморфными, плетеными и т.п.

³Благодарю Е.В. Смирницкую за консультацию по орнаментике германских звериных стилей и возможность использовать материал спецкурса «Германский звериный стиль раннего Средневековья», читаемого Е.В. Смирницкой на кафедре археологии МГУ.

⁴Данная датировка и происхождение нуждаются в уточнении.

Список источников

1. Давидан О.И. Гребни Старой Ладogi // Археологический сборник. Вып. 4. Л.: Государственный Эрмитаж, 1962. С. 95–108.
2. Фехнер М.В. Изделия костяного производства // Ярославское Поволжье X–XI вв. По материалам Тимеревского, Михайловского и Петровского могильников. М.: Советская Россия, 1963. С. 39–42.
3. Бочаров Г.Н. Резьба по кости в Новгороде // Древний Новгород. История. Искусство. Археология. Новые исследования / сост. С.В. Ямщиков М.: Изобразительное искусство, 1983. С. 111–140.
4. Пушкина Т.А. Изделия костяного ремесла из Гнездова // Средневековые древности Восточной Европы / отв. ред. Н.Г. Недошивина. Труды Государственного исторического музея. Вып. 82. М.: Государственный исторический музей, 1993. С. 57–68.
5. Флорова В.С. Резная кость юго-востока Европы IX–XII веков: искусство и ремесло. По материалам Саркела–Белой Вежи из коллекции Государственного Эрмитажа. СПб.: Алетейя, 2001. 252 с.
6. Smirnova L. Comb-Making in Medieval Novgorod (950–1450). An industry in transition // British Archaeological Reports. International Series 1369. Gordon House. Oxford, 2005. 334 p.
7. Меснянкина С.В. Изделия из кости и рога // Археология севернорусской деревни. М.: Наука, 2008. Т. 2. С. 215–253.
8. Сергеева М.С. Косторізна справа у стародавньому Києві. Київ: КНТ, 2010. 252 с.
9. Кондратьева О.А. Гребни IX–XIX вв. в быту, обрядах, фольклоре, ремесле и художественном творчестве Древней Руси – России. Археологические и этнографические очерки. СПб.: ИПК «Вести», 2011. 242 с.
10. Иванова И.В., Иванова Н.Ю. Коллекция костяных изделий Ладogi (по материалам из раскопа близ Варяжской улицы в пос. Старая Ладogi // Археологические вести. 2012. № 18. С. 124–144.
11. Дементьева А.С. Гребни первой группы из Гнездова // Гнездовский археологический комплекс. Материалы и исследования. Вып. 1: тр. Гос. ист. музея. Вып. 210. М., 2018. С. 91–101.
12. Мядзведзева В.У. Зааморфныя вастрыі-амулеты // Археалогія эпохі сярэднявечча / гал. рэд. П.Ф. Лысенка. Матэрыялы па Археалогіі Беларусі. Вып. 15. Мінск: ДНУ «Інстытут гісторыі НАН Беларусі», 2008. С. 168–171.
13. Давидан О.И. К вопросу о происхождении и датировке ранних гребенков Старой Ладogi // Археологический сборник. Вып. 10. Л.: Советский художник, 1968. С. 54–63.
14. Жилина Н.В. Вещь вне искусства и вещь в искусстве // Уваровские Таврические чтения III: тез. докл. и сообщений Междунар. науч. конф. Севастополь: Гос. историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический», 2018. С. 17–19.
15. Макарова Т.И. Симметрия в растительном орнаменте Древней Руси // Древняя Русь и славяне / отв. ред. Т.В. Николаева. М.: Наука, 1978. С. 370–377.
16. Сарабянов Д.В. Модерн. История стиля. М.: Галарт, 2001. 343 с.
17. Жилина Н.В. Славяно-русская филигрань VIII–X вв. // Stratum plus. 2005. № 5. С. 21–170.
18. Жилина Н.В. Древнерусская зернь X – начала XI в. как декоративное искусство. Рождение стилей // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 449. С. 120–134.
19. Белецкий С.В. Культурная стратиграфия Пскова (Стратиграфические данные к проблеме происхождения города) // Краткие сообщения Института археологии. 1980. № 160. С. 3–18.
20. Седов В.В. Изборск в раннем Средневековье. М.: Наука, 2007. 413 с. 13 л. вкладок.
21. Давидан О.И. Староладожские изделия из кости и рога (по раскопкам Староладожской экспедиции ИИМК АН СССР) // Археологический сборник. Л.: М.: Советский художник, 1966. Вып. 8. С. 103–115.
22. Дементьева А.С. Односторонние составные гребни с металлическими накладками из Гнездова // Российская археология. 2014. № 1.
23. Андрощук Ф., Зоценко В. Скандинавские древности Южной Руси. Каталог. Paris: ACHByz, 2012. 367 с.
24. Graham-Campbell J. The Viking World. London: Frances Lincoln Limited Publishers, 2013. 192 p.
25. Жилина Н.В. Древнерусская резьба и роспись по дереву: хронология стилистического развития // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2018. № 4 (74). С. 80–96.
26. Колчин Б.А. Новгородские древности. Резное дерево // Свод археологических источников. E1-55 / отв. ред. Г.К. Вагнер. М.: Наука, 1971. 62 с. 48 табл.
27. Дубов И.В. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего Средневековья (историко-археологические очерки). Л.: ЛГУ, 1982. 248 с.

28. Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. // Археология СССР. М. : Наука, 1982. 327 с.
29. Давидан О.И. Новые находки гребней в Старой Ладогe // Российская археология. 1999. № 1. С. 167–174.
30. Тараканова С.А. Новые материалы по археологии Пскова // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1950. № 33. С. 48–62.
31. Дементьева А.С. Наконечники стрел для охоты на пушного зверя с территории Гнёздовского археологического комплекса // Археологические вести. 2015. Вып. 21. С. 230–237.
32. Медведев А.Ф. Древнерусские писала X–XV вв. // Советская археология. 1960. № 2. С. 63–88.
33. Тараканова С.А. Раскопки древнего Пскова // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1949. № 27. С. 104–112.
34. Путь из варяг в греки и из грек...: Каталог выставки / ред. В.Л. Егоров. М. : Государственный исторический музей ; Калинин и Ко, 1996. 102 с.
35. Древности северо-западной России: Каталог выставки: К 90-летию со дня рождения Г.П. Гроздилова / сост. А.Н. Мазуркевич; науч. ред. М.Б. Шукин. СПб. : Государственный Эрмитаж, 1995. 197 с.
36. Дементьева А.С., Лебедева О.С. Костяные игольники Гнёздовского археологического комплекса // Гнёздовский археологический комплекс. Материалы и исследования. Вып. 2; Труды Государственного исторического музея. Вып. 215 / отв. ред. С.Ю. Каинов. М. : Государственный исторический музей ; СПб. : Первый издательско-полиграфический холдинг, 2021. С. 76–84.
37. Ратич О.О. Древньоруські вироби з кості і рогу, знайдені на території Галицької і Волинської земель // Матеріали І дослідження з археології Прикарпаття і Волині. Київ : Видавництво Академії наук Української РСР, 1959. Вып. 2. С. 119–131.

References

1. Davidan, O.I. (1962) Grebni Staroy Ladogi [Combs of old Ladoga]. *Arkheologicheskii sbornik*. 4. pp. 95–108.
2. Fekner, M.V. (1963) Izdeliya kostezhnogo proizvodstva [Bone carving products]. In: Smirnov, A.P. (ed.) *Yaroslavskoe Povolzh'e X–XI vv. Po materialam Timerevskogo, Mikhaylovskogo i Petrovskogo mogil'nikov* [Yaroslavl Volga Region of 10th–11th Centuries. Based on the materials of Timerevsky, Mikhailovsky and Petrovsky burial grounds]. Moscow: Sovetskaya Rossiya. pp. 39–42.
3. Bocharov, G.N. (1983) Rez'ba po kosti v Novgorode [Bone carving in Novgorod]. In: Yamshchikov, S.V. (ed.) *Drevniy Novgorod. Istoriya. Iskustvo. Arkheologiya. Novye issledovaniya* [Ancient Novgorod. History. Experience. Archaeology. New research]. Moscow: Izobrazitel'noe iskustvo. pp. 111–140.
4. Pushkina, T.A. (1993) Izdeliya kostezhnogo remesla iz Gnezdova [Bone cutting products from Gnezdov]. In: Nedoshivina, N.G. (ed.) *Srednekovyye drevnosti Vostochnoy Evropy* [Medieval Antiquities of Eastern Europe]. Moscow: Gosudarstvennyy istoricheskiy muzey. pp. 57–68.
5. Flerova, V.S. (2001) *Reznaya kost' yugo-vostoka Evropy IX–XII vekov: iskustvo i remeslo. Po materialam Sarkela–Beloy Vezhi iz kollektsii Gosudarstvennogo Ermitazha* [Carved Bone of the South-East of Europe of the 9th–13th Centuries: Experience and craft. Based on the materials of Sarkel-Belaya embroiders from the collections of the State Hermitage Museum]. Saint Petersburg: Aleteyya.
6. Smirnova, L. (2005) *Comb-Making in Medieval Novgorod (950–1450). An industry in transition*. Oxford: Gordon House.
7. Mesnyankina, S.V. (2008) Izdeliya iz kosti i roga [Bone and horn products]. *Arkheologiya severnorusskoy derevni*. 2. pp. 215–253.
8. Sergeeva, M.S. (2010) *Kostorizna sprava u starodavn'omu Kievu* [Bone-Cutting in Ancient Kiev]. Kyiv: KNT.
9. Kondrat'eva, O.A. (2011) *Grebni IX–XIX vv. v bytu, obryadakh, fol'klore, remesle i khudozhestvennom tvorchestve Drevney Rusi – Rossii. Arkheologicheskie i etnograficheskie ocherki* [Combs of 9th–19th Centuries in Daily Life, Rites, Folklore, Craft and Art of Ancient Rus' – Russia. Archaeological and ethnographic essays]. Saint Petersburg: IPK "Vesti".
10. Ivanova, I.V. & Ivanova, N.Yu. (2012) Kolleksiya kostyanykh izdeliy Ladogi (po materialam iz raskopa bliz Varyazhskoy ulitsy v pos. Staraya Ladoga) [Collection of Bonework from Ladoga (Based on materials from the excavation near Varyazhskaya Street in the Staraya Ladoga village)]. *Arkheologicheskie vesti – Archaeological News*. 18. pp. 124–144. (In Russian).
11. Dement'eva, A.S. (2018) Grebni pervoy grupy iz Gnezdova [Combs of the first group from Gnezdovo]. *Gnezdovskiy arkheologicheskii kompleks. Materialy i issledovaniya*. 1 (210). pp. 91–101.
12. Myadzvedzeva, V.U. (2008) Zaamorfnyya vstryi-amulety [Zoomorphic sharp amulets]. In: Lysenko, P.F. (ed.) *Arkheologiya epokhi syarednyavechcha* [Archaeology of the Middle Ages]. Vol. 15. Minsk: DNU "Instytut gistoryi NAN Belarusi". pp. 168–171.
13. Davidan, O.I. (1968) K voprosu o proiskhozhdenii i datirovke rannikh grebenok Staroy Ladogi [The question of the origin and dating of the Early Greek Old Ladoga]. *Arkheologicheskii sbornik*. 10. pp. 54–63.
14. Zhilina, N.V. (2018) [A thing outside of art and a thing in art]. *Uvarovskie Tavricheskie chteniya III* [Uvarov Tauride readings III]. Proceedings of the International Conference. Sevastopol. 19–21 September 2018. Sevastopol: Gos. istoriko-arkheologicheskii muzey-zapovednik "Khersones Tavricheskii". pp. 17–19. (In Russian).
15. Makarova, T.I. (1978) Simmetriya v rastitel'nom ornamente Drevney Rusi [Symmetry in the growing ornament of Ancient Rus']. In: Nikolaeva, T.V. (ed.) *Drevnyaya Rus' i slavyane* [Ancient Rus' and the Slavs]. Moscow: Nauka. pp. 370–377.
16. Sarab'yanov, D.V. (2001) *Modern. Istoriya stilya* [Modern. The History of Style]. Moscow: Galart.
17. Zhilina, N.V. (2003) The Slavonic-Russian filigree of VIII–X centuries. *Stratum plus. Arkheologiya i kul'turnaya antropologiya – Stratum Plus. Archaeology and Cultural Anthropology*. 5. pp. 21–170. (In Russian).
18. Zhilina, N.V. (2019) The old Russian granulation of the 10th and 11th centuries as a decorative art. The birth of styles. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 449. pp. 120–134. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/449/15
19. Beletskiy, S.V. (1980) Kul'turnaya stratigrafiya Pskova (Stratigraficheskie dannye k probleme proiskhozhdeniya goroda) [Cultural stratigraphy of Pskov (Stratigraphic Danish problems of the city)]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii – Brief Communications of the Institute of Archaeology*. 160. pp. 3–18. (In Russian).
20. Sedov, V.V. (2007) *Izborsk v rannem Srednevekov'e* [Vyborg in the Early Middle Ages]. Moscow: Nauka.
21. Davidan, O.I. (1966) Staroladozhskie izdeliya iz kosti i roga (po raskopkam Staroladozhskoy ekspeditsii IIMK AN SSSR) [The Old Ladoga bone and horn products (based on the excavations of the Old Ladoga expeditions of the IMC of the USSR AS)]. *Arkheologicheskii sbornik*. 8. pp. 103–115.
22. Dement'eva, A.S. (2014) Single-side composite combs with metal brackets from Gnyozdovo. *Rossiyskaya arkheologiya – Russian Archaeology*. 1. (In Russian).
23. Androshchuk, F. & Zotsenko, V. (2012) *Skandinavskie drevnosti Yuzhnoy Rusi. Katalog* [Scandinavian Antiquities of Southern Russians. Catalog]. Paris: ACHByz.
24. Graham-Campbell, J. (2013) *The Viking World*. London: Frances Lincoln Limited Publishers.
25. Zhilina, N.V. (2018) Carving and painting on the wood in Old Rus': chronology of stylistic development. *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki – Old Russia. The Questions of Middle Ages*. 4 (74). pp. 80–96. (In Russian). DOI: 10.25986/IRI.2018.74.4.007
26. Kolchin, B.A. (1971) Novgorodskie drevnosti. Reznoe derevo [Novgorod Antiquities. Carved wood]. In: Vagner, G.K. (ed.) *Svod arkheologicheskikh istochnikov. EI-55* [Collection of Archaeological Sources. EI-55]. Moscow: Nauka.
27. Dubov, I.V. (1982) *Severo-Vostochnaya Rus' v epokhu rannego Srednevekov'ya (istoriko-arkheologicheskie ocherki)* [North-Eastern Russia in the Early Middle Ages (historical and archaeological essays)]. Leningrad: Leningrad State University.

28. Sedov, V.V. (1982) *Vostochnye slavyane v VI–XIII vv.* [Eastern Slavs in the 6th–13th Centuries]. Moscow: Nauka.
29. Davidan, O.I. (1999) Novye nakhodki grebney v Staroy Ladoge [New comb finds in Staraya Ladoga]. *Rossiyskaya arkhеologiya – Russian Archaeology*. 1. pp. 167–174. (In Russian).
30. Tarakanova, S.A. (1950) Novye materialy po arkhеologii Pskova [New materials on the archeology of Pskov]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkhеologii – Brief Communications of the Institute of Archaeology*. 33. pp. 48–62.
31. Dement'eva, A.S. (2015) Blunt arrowheads from Gnezdovo. *Arkheologicheskie vesti – Archaeological News*. 21. pp. 230–237. (In Russian).
32. Medvedev, A.F. (1960) Drevnerusskie pisala X–XV vv. [Old Russian styluses of the 10th–15th centuries]. *Sovetskaya arkhеologiya*. 2. pp. 63–88. (In Russian).
33. Tarakanova, S.A. (1949) Raskopki drevnego Pskova [Excavations of ancient Pskov]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkhеologii – Brief Communications of the Institute of Archaeology*. 27. pp. 104–112.
34. Egorov, V.L. (ed.) (1996) *Put' iz varyag v greki i iz grek....: Katalog vystavki* [The way from the Varangians to the Greeks and from the Greeks: Exhibition catalogue]. Moscow: Gosudarstvennyy istoricheskiy muzey; Kalinikin i Ko.
35. Shchukin, M.B. (ed.) (1995) *Drevnosti severo-zapadnoy Rossii: Katalog vystavki: K 90-letiyu so dnya rozhdeniya G.P. Grozdilova* [Antiquities of North-Western Russia: Exhibition catalogue: To the 90th anniversary of the birth of G.P. Grozdilov]. Saint Petersburg: Gosudarstvennyy Ermitazh.
36. Dement'eva, A.S. & Lebedeva, O.S. (2021) Kostyanye igol'niki Gnezdovskogo arkhеologicheskogo kompleksa [Bone needle cases of the Gnezdovo archaeological complex]. *Gnezdovskiy arkhеologicheskiy kompleks*. 2 (215). pp. 76–84.
37. Ratich, O.O. (1959) Drevn'orus'ki virobi s kosti i rogu, znaydeni na territorii Galitskoї i Volins'koї zemel' [Ancient Russian bone and horn products found on the territory of the Galician and Volyn lands]. In: *Materiali I doslidzhennya z arkhеologii Prikarpattya i Volini* [Materials of the First Study on the Archeology of the Carpathian Region and Volhynia]. Vol. 2. Kiev: Vidavnistvo Akademii nauk Ukrain'skoї RSR. pp. 119–131.

Информация об авторе:

Жилина Н.В. – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник отдела средневековой археологии Института археологии Российской академии наук (Москва, Россия). E-mail: nvzhilina@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

N.V. Zhilina, Dr. Sci. (History), leading researcher, Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: nvzhilina@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 24.05.2021;
одобрена после рецензирования 14.09.2021; принята к публикации 28.03.2022.

The article was submitted 24.05.2021;
approved after reviewing 14.09.2021; accepted for publication 28.03.2022.